

Д. В. КОНКИН

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КРЫМУ (1783-1796 гг.)

Тема юридического аспекта в государственной внутренней политике Российской империи по отношению к Крыму представляет собой немалый интерес в силу того, что субъектом права здесь выступало население, воспитанное в восточной правовой традиции и потому чуждое общероссийскому законодательству, склонявшемуся более к европейской модели развития. По-видимому, в плоскости юридической разновекторности следует искать причины возникших проблем в землеустройстве края. С присоединением Крыма к России земельный вопрос надолго становится «краеугольным камнем» во взаимоотношениях новой власти со старожильческим населением.

Исследовательская литература, хронологически охватывающая рассматриваемый период, достаточно обширна¹, но в правовом контексте исследователи обращались к данной тематике не так уж часто.

В к. XIX – нач. XX вв. юридической стороной землеустройства Крыма в своих работах касались Г. Блюменфельд [2], Ф. Лашков [3], А. Воскресенский [4]. Однако их исследования большей частью посвящены XIX в., и следовательно, рассматривалось развитие проблемы, причины которой были, в основном, заложены в царствование Екатерины II.

Из историографии советского периода следует обратить внимание, прежде всего, на труды С. А. Секиринского [5] и Е. А. Дружининой [1]. В работе первого автора преобладает социально-экономический анализ проблемы. Монография Е. А. Дружининой – комплексное исследование, где нашлось место и юридической оценке процесса освоения юга России, однако, такой важный

---

¹ Подробный обзор литературы и источников см. у Е. А. Дружининой [1, с. 7-47].

источник, как Полное собрание законов Российской империи, использован здесь недостаточно.

Современные авторы во многом ограничиваются публикацией источников, минуя их анализ [6]. Проблема ислама в системе государственного законодательства Российской империи разрабатывается российскими учеными, но с акцентом на изучение внутренних территорий современной России: Татарстана, Башкирии [7]. Важный вопрос особой ментальности населения Крыма и неприятия мусульманской его частью навязываемых ему государственных институтов затронут в работе Б. А. Короленко [8].

Целью данного исследования является определение особенностей законодательства в отношении земельного устройства Крыма с момента его присоединения к России и до смерти Екатерины II, используя в качестве главного источника Полное собрание законов Российской империи. Необходимо также проследить направленность и практическое исполнение этих нормативных актов. Для этого анализируются указы, гарантирующие сохранение прав местного населения, дается оценка тем из них, которые закрепляли землеустройство в Крыму. Рассматриваются указы, направленные на раздачу земли в Крыму, и определяется роль местной администрации в распределении земельных наделов. В ходе изучения документов выявляются недостатки в законодательной базе, приведшие к злоупотреблениям в распределении земельных наделов.

Включение Крыма в состав России было законодательно оформлено в ряде договоров и законов, ключевыми из которых являются: манифест от 8 апреля 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую державу» [9, Т. 21, № 15708]; именной указ, данный новороссийскому генерал-губернатору князю Г. А. Потемкину от 28 июля 1783 г. «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в Российское подданство» [9, Т. 21, № 15798] и именной указ, данный Сенату от 2 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области» [9, Т. 22, № 15920]. Характеризуя эти документы в целом, можно говорить если не об искреннем, то хотя бы декларативном желании Российской империи с максимальной мягкостью отнестись к старожильческому населению края, причиняя ему минимальные неудобства в процессе освоения государственной машиной новой территории.

Одним из важных проявлений такой политики было законодательное оформление и фиксация земельного устройства на инкорпорированной территории. Однако в первое десятилетие по присоединению Крыма к России законодательные акты, подтверждающие права местных жителей, в том числе и на землю, носят декларативный и обобщающий характер.

В манифесте от 8 апреля 1783 г. Екатерина II обещала жителям новых территорий «...содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» (здесь и далее курсив автора) [9, Т. 21, № 15708]. Свобода вероисповедания, равно как и гарантия имущественных прав, подразумевали, по-видимому, подтверждение и земельного устройства, которое, как в любой мусульманской стране, основывалось на религиозном аспекте. Распространялись данные обязательства на всех жителей полуострова. Более точной расшифровки обязательств или дополнений к ним, оформленных в виде законодательных актов, в Полном собрании законов не встречается.

Со стороны Российской империи в отношении Крыма чувствовалось желание следовать принципу, изложенному Екатериной II еще в Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения 30 июля 1767 г.: «В том великом государстве, распространяющем свое владение над (с)толь многими разными народами, весьма вредной для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер» [9, Т. 18, № 12949]. Но как это нужно было сделать наиболее эффективно – понимания не хватало. Со всей очевидностью можно констатировать наличие у государственной власти желания решить поставленную задачу и отсутствие знания как этого достичь с минимальными неудобствами.

Для приобретения такого знания необходимо было проводить исследования. И если в области естествоиспытания такие действия производились, и информация поступала, то в отношении общественных традиций, устоев, религиозных, юридических особенностей края осведомленность была недостаточной. Отсюда вытекал явный волюнтаризм ряда решений в отношении местного населения, которые были направлены на благоустройство края, но на деле шли в разрез с задекларированными обязательствами правительства, а порой напрямую ущемляли права крымских татар.

Иллюстрацией такого противоречия может служить указ от 28 июля 1783 года [9, Т. 21, № 15798]. Здесь, после еще одного подтверждения неприкосновенности и целостности «природной веры» крымских татар, говорится о необходимости «на нужные по тому краю издержки» собирать следующие подати: «таможенные, с соли с озер продаваемой, с земли вместо поголовных и десятинных с произрастений, наблюдая, дабы она отнюдь не были в тягость народную». Указ этот появился с подачи Г. А. Потемкина, который в письме императрице от 16 июля 1783 г. сообщал о просьбе татар, «чтобы подать им платить не по душам, а с земли и со всего – десятину, что учинит гораздо более доходу, да для них честнее» [23, с. 176]. Действительно,

поземельная подать (по сути – харадж), наряду с десятиной (по сути – ушр), были более приемлемы и традиционны для мусульман Крыма, нежели собираемый до этого поголовный налог. Поэтому можно сказать, что замена поголовной подати на поземельную и сбор десятины, закрепленные в указе, демонстрируют понимание правительством необходимости налогового сбора с новой территории, но при этом желание осуществлять его приближенным к характерным для местного населения способам. Далее в документе сказано: «Из сих доходов повелеваем определить надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных школам их и на другие тому подобные полезные дела; на разные нужные публичные здания и особливо на фонтаны для выгоды народной...». И в этом случае императрица беспрекословно следует советам Г. А. Потемкина, который в том же письме от 16 июля пишет, что «ассигновать нужно, дабы угодить магометанам: как то на содержание некоторых мечетей, школ и фонтанов публичных», при этом добавляет, что «последний пункт считается у них великим благодеянием и весьма их обрадует, ежели прикажете на Ваше имя построить большой и хороший» [23, с. 177]. Отсюда видно, что императрица и чиновники стремились завоевать симпатии старожильского населения Крыма, однако средства, с помощью которых осуществлялся этот процесс, порой не совсем гармонировали с местными религиозно-правовыми представлениями. Разбирая данный случай, следует обратить внимание, что в мусульманском праве для содержания мечетей, медресе, мектебе, различных благотворительных учреждений, приютов и т.д. предусматривался особый институт – вакф, формировавшийся на добровольной основе и находящийся в ведении духовенства. Указ Екатерины II, таким образом, дублировал функции духовенства в отношении к институту вакфа, составляющего для мусульман важный религиозный компонент, и, следовательно, нарушал мусульманские установления, по которым жили крымские татары, хотя, как было сказано, преследовал совершенно противоположные цели.

Продолжением законодательного оформления новых территорий в соответствии с законами Российской империи является именной указ, данный Сенату от 2 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области». Здесь, помимо указаний по административному преобразованию края, мы находим следующее предписание: «...Мы признаем долгом царствования Нашего обратить внимание Наше, дабы сии подвластные скипетру Нашему земли были в образе правления вообще для всего государства Нашего преднаписанном, и чтобы обитатели их, при свободном исповедании каждым природной его веры, и при спокойном владении законно принадлежащим ему имением, воспользовались всеми теми выгодами, каковыми прочие подданные Наши под сению законов наших спокойно и безопасно наслаждаются» [9, Т.

22, № 15920]. Вполне понятно стремление государства распространить единые законы на всей своей территории, но в результате таких действий в Крыму в проигрыше оказалось большинство населения. Ведь если мурзы были приравнены к дворянам Российской империи с их огромными привилегиями (именной указ, данный сенату «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» [9, Т. 22, № 15936] вышел практически одновременно с рассматриваемым указом – 22 февраля 1784 г.), то «преференции», которые русское правительство предоставляло простым татарам (а они, по сути, приравнивались к государственным крестьянам), существенно ограничивали их прежние вольности и обычаи. Пожалуй, именно в этом законодательном акте впервые достаточно четко обозначено направление, в котором власть осуществляла юридическое «освоение» присоединенной территории на первом этапе, а именно: прямое действие всех общероссийских законов и указов без учета специфики региона, когда оригинальные местные установления совершенно искусственно подгонялись под кальку общероссийских законов, в номенклатуре которых и не предполагалось терминов и понятий, распространенных в этом крае. Такой подход заложил массу проблем в обустройство края и во взаимоотношения с местным населением, так как структура и обоснование восточного землеустройства никак не соответствовала общероссийским нормам. И хотя в дальнейшем правительство частично отошло от такого пути в сторону издания указов, учитывающих особенности населения, специфику их верований, землеустройства и т.д., решать эти проблемы пришлось долго и болезненно.

Важнейшими элементами в хозяйственном освоении края стали массовые раздачи земли и скорейшее заселение новыми жителями присоединенных территорий, опустевших вследствие исхода крымских татар в Турцию. Однако непродуманность колонизации Новороссийского края со стороны государства и многочисленные злоупотребления местной администрации в предоставлении земельных наделов стали серьезным препятствием на пути гармоничного освоения юга России.

В Крыму раздача наделов осуществлялась из фонда казенных земель, который формировался главным образом из двух источников. Во-первых, весь ханский домен полностью отошел к казне. Во-вторых, к казне отходили так называемые «пустопорожные земли» – земли эмигрировавших из Крыма беев и мурз, а также степная часть, освободившаяся вследствие исполнения именного указа от 11 сентября 1783 г., данного новороссийскому генерал-губернатору князю Г. А. Потемкину «О переселении нагайских народов на уральскую степь» [9, Т. 21, № 15830].

Важным документом, регламентирующим порядок земельных пожалований, являлся «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению» [9, Т. 16, № 12099]. Этот закон увидел свет 22 марта 1764 г. и надолго стал основой в действиях власти в отношении землеустройства на новопокоренных территориях. По мере продвижения границ империи далее на юг действие «Плана» расширяло свой ареал. Согласно «Плану» земли в указанном регионе могли получить «всякого звания люди», если только они соглашались стать поселенцами или военнослужащими. Подробную и обстоятельную характеристику документа можно найти в монографии Е. И. Дружиной [1, с. 58-67]. Вслед за исследовательницей можно повторить, «что закон 1764 г. о предоставлении земель на юге страны лицам «разного звания» после вышеупомянутого указа от 2 февраля 1784 г. «получил теперь новую сферу действия – обширную Таврическую область» [1, с. 121].

Земли в Таврической области заселялись различными категориями населения. В число русских и украинских поселенцев входили отставные солдаты, крестьяне, проживавшие на территории Османской империи, Молдавии, Польши, государственные крестьяне из российских губерний, а также церковнослужители, старообрядцы, беглые крепостные.

Отставные солдаты под командой офицеров направлялись в специально отведенные для поселения места [5, с. 39]. Кроме того, согласно указу императрицы от 14 января 1785 г. [9, Т. 22, № 16130], к рекрутам, распределенным в полки Екатеринославского наместничества и Таврической области, направлялись их жены, с тем расчетом, чтобы последние обзавелись на месте хозяйством и после отставки солдаты не возвращались в места призыва.

По согласованию с турецким правительством, в Тавриду осуществлялся перевод русских жителей из Молдавии [5, с. 40]. В этом случае действовала, по-видимому, договоренность Кучук-Кайнарджийского трактата, где в соответствии с пунктом 5 артикула 16 для «фамилий» Валашского и Молдавского княжеств, «пожелавших оставить свое отечество» оговаривалась возможность свободного выезда «со всем их имением» [9, Т. 19, № 14164]. Но поскольку соглашение было рассчитано всего на один год, то после его истечения переговоры с турецкими подданными о переселении в пределы России велись с большой осторожностью [1, с. 129].

Именным указом от 13 августа 1785 г. в Таврическую область предписывалось переселить оставшихся за штатом церковнослужителей и старообрядцев «убеждая их в том собственною их пользою, что найдут они не только земли плодоносные, но и довольное получают снабдение из казны Нашей на построение домов и на хозяйственное заведение...» [9, Т. 22, № 16239]. Подтверждение предыдущего распоряжения в отношении

священнослужителей мы находим в именном указе от 1 сентября 1785 г. «Об отправлении оставшихся за штатом дьячков и церковников для поселения их в Таврическую область». Для новопоселенцев уже были отведены участки: «...назначили Мы для поселения их земли обширные и плодоносные в Таврической области...» [9, Т. 22, № 16249].

Большую роль в заселении региона сыграли государственные крестьяне. Российское правительство поощряло их переселение из внутренних губерний на юг. 3 августа 1787 г. выходит именной указ, данный генерал-губернаторам «О дозволении экономическим поселянам, по недостатку земли, переселяться в другие места», где, в частности, говорится: «...признали Мы за благо предписать Нашим генерал-губернаторам и правящим ту должность, дабы от них объявлено было надлежащим порядком поселянам ведомства директора домоводства разного звания, наипаче же таких селений, кои в землях недостаток и нужду ощущают, что они могут переселиться на земли плодоносные, в Екатеринославском наместничестве и Таврической области состоящие» [9, Т. 22, № 16559]. Обосновывались в Крыму и крестьяне из Правобережной Украины, входившей до 1793 г. в состав Польши.

Помимо русских и украинских поселенцев значительными территориями владели в Таврической области инородцы. Так, еще во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг., сенатским указом от 12 ноября 1770 г. «бюджетским и едисанским татарам, отложившимся от Оттоманской Порты» дозволялось «расположиться на Крымской степи» [9, Т. 19, № 13533]. После 1783 г. значительная часть их была поселена на левом берегу реки Молочные воды [10, с. 120-121]. Именным указом Г. А. Потемкину от 14 августа 1783 г. в «крымскую степь» переводились «дербетевые калмыки», а «ставропольские калмыки» переселялись в Екатеринославское наместничество «для собственных их выгод» [9, Т. 21, № 15813]. Тех же ставропольских калмык вышеназванным указом от 13 августа 1785 г. предписывалось переселить в Таврическую область [9, Т. 22, № 16239].

С конца XVIII в. появляются в Таврической области и иностранные подданные. Это были в первую очередь греческие беженцы, спасавшиеся от репрессий турецкого правительства. Российские власти оказывали им всестороннюю поддержку и щедро снабжали землей в Крыму. Именной указ, данный Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору графу П. Зубову от 25 марта 1794 г. «О дозволении грекам переселиться с островов Занта в Таврическую область» на прошение общества греков предоставить им землю в городе Феодосии и ее окрестностях для построек и ведения хозяйства в пункте 1 гласит: «...отвести обществу их близь сего города, сколь можно удобнейшую для объясняемых ими заведений землю, полагая оной по 60 десятин на каждую фамилию» [9, Т. 23, № 17191].

Необходимо отметить, что на данном этапе основная масса русских и украинских переселенцев-крестьян оседала в материковой части Таврической области [5, с. 53]. Калмыки и не вышедшие вследствие указа от 11 сентября 1783 г. [9, Т. 21, № 15830] ногайцы располагались в северокрымских степях. На всей остальной территории Крымского полуострова практиковалась раздача крупных помещичьих участков. Землями здесь наделялись высшие сановники империи, офицеры армии и флота [5, с. 33]. Местные чиновники также не находились в стороне от процесса. Г. А. Потемкин дал специальное предписание о наделении чинов присутственных мест земельными участками [1, с. 120]. Сам Г. А. Потемкин ордером от 16 августа 1787 г. Таврическому гражданскому губернатору В. В. Каховскому предписал, чтобы «три деревни Форос, Мисатку и Мухалатку отмежевать ему совокупно с Байдарскою дачею, наблюдая, чтоб окрестным жителям ни малейшего угнетения оказано не было» [11, л. 134]. Крымская администрация столь рьяно взялась за исполнение, что губернатор Таврической области С. С. Жегулин, уже после смерти Г. А. Потемкина, в ведомости при Всеподданнейшем рапорте 27 февраля 1792 г. Екатерине II вынужден был констатировать: «...Князю Потемкину-Таврическому *формально не обмежевано*, но положено на плане и обойдено удобной 13 тыс. и неудобной 2 тыс. 150 десятин» [там же]. В результате такого *формального* подхода судебные тяжбы местного населения с купившим участок впоследствии адмиралом Н. С. Мордвиновым и его наследниками растянулись на столетие и прекратились лишь в 1876 году [11, л. 293]. И данный случай не исключение, а характеристика деятельности чиновников по землеотводам в Крыму.

Пользуясь временным отсутствием порядка в землеустройстве Крыма, крупнейшими землевладельцами полуострова становились местные беи и мурзы. Важнейшими элементами, помогавшими им делаться полновластными собственниками не принадлежавших им ранее территорий, стали тесное сотрудничество с местной российской администрацией и инкорпорация своих членов в ее состав. Русские власти, со своей стороны, охотно шли на подобные контакты и законодательно поощряли участие старожильческого населения в местном самоуправлении: «...Наше есть желание, чтоб сим новым нашим подданным путь к гражданской службе и к получению в оной чинов открыт был» [9, Т. 22, № 15988]. С. В. Бахрушин отмечал, что наградой для беев и мурз за лояльность к русской власти «были не только чины и почетные звания. Переходное время было использовано ими для захвата громадных пространств земли» [12, с. 338].

Все подобные пожалования негативно сказывались на местном населении. Сложилась ситуация, когда, в одном случае, наделы простых татар оказывались внутри помещичьих участков, так как они изначально пользовались землей, которая впоследствии приобрела статус казенной и, соответственно,

предназначенной к раздаче. В другом же случае, помещики, получив «чистые» участки, попросту захватывали соседние земли, которыми традиционно пользовались местные жители, так как у них отсутствовали какие-либо документальные подтверждения на занимаемые владения.

Недостаточно четко продуманная политика раздачи земель, наряду с массовыми злоупотреблениями местной администрации, обусловила появление указа, данного Сенату от 23 июня 1794 г. «Об остановлении раздачи казенных земель в тех губерниях, в которых она для населения была дозволена» [9, Т. 23, № 17228].

Знаковым для землеустройства в Крыму стал сенатский указ от 9 ноября 1794 г. «Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими именьями с распространением права сего и на их наследников» [9, Т. 23, № 17265]. Указ этот закреплял за жителями Крыма «как магометанского духовного звания, так разных званий купцов, мещан, простых татар и других» их «поместья, вотчины и тому подобные дворянские именья, принадлежащие им в собственность по наследству, или по иным законным правам... распространяя сию свободу и на наследников...». Здесь впервые с момента присоединения Крыма к России в тексте закона мы встречаем прямое ограничение свобод местных жителей, обещанных Екатериной II: за исключением тех, «кои по Российским узаконениям имеют право владеть дворянским именьем из природных тамошних жителей, для всех остальных категорий населения вводился запрет на приобретение и аренду новых земельных участков. Интересно обоснование такого решения. Следуя логике предыдущих указов, загонявших местную традиционную систему отношений в «прокрустово ложе» российского законодательства, инициировавшая данный указ Таврической области Палата гражданского суда опиралась, во-первых, на Соборное Уложение 1649 г., во-вторых, на именной указ 1730 года. Причем в первом случае Соборное Уложение (глава 17, статья 42) адресовалось к Патриарху, митрополитам, епископам и монастырям. Этот закон послужил в качестве прецедента для территории, населенной мусульманами. Необходимо отметить, что данная статья Соборного Уложения вводила запрет на покупку православным духовенством «родовых и выслуженных и купленных вотчин», а также регулировала духовные завещания предназначенные церкви: «а вотчинникам никому вотчин в монастыри не давать; а кто и напишет вотчину в монастырь в духовной, и тех вотчин в монастыри по духовным не давать... А будет кто с сего Уложения вотчину свою родовую, или выслуженную, или купленную продаст, или заложит, или по душе отдаст Патриарху, или митрополиту, или архиепископу, или епископу, или в которой монастырь, и та вотчина взять на Государя безденежно, и отдать в раздачу челобитчикам, кто о той вотчине учинет Государю бити челом». Проецирование данного закона на

территорию Крыма дает основание заключить об озабоченности властей ростом земельной собственности мусульманского духовенства и стремлении ограничить этот процесс.

И действительно, к моменту присоединения Крыма к России земельные владения духовенства, по разным оценкам, составляли от трети до половины обрабатываемой территории. Это были так называемые вакуфные земли в различной интерпретации. Массовым явлением среди местного населения, эмигрирующего из Крыма, было завещание своих земельных владений и недвижимого имущества в пользу вакуфа, которые таким образом переходили под контроль духовенства. Данное обстоятельство не могло не беспокоить власти, так как значительно осложняло возможность перехода земли к новым собственникам, и одной из целей указа от 9 ноября 1794 г. видится желание остановить этот процесс.

Сам термин «вакуф» в российском законодательстве появится много позднее, что неудивительно, учитывая вышеописываемую тенденцию использовать привычную легитимную базу к новым обстоятельствам. Однако это вовсе не означает, что такой институт в Крыму не был известен российским властям. Так, на тот момент имелась опись вакуфам от 1785 г. [13, л. 1], составленная крымским муфтием Мусалар эфенди, умершим в 1791 г. [14, с. 8], однако использовать ее в качестве важного источника в решении земельных споров местная власть начала много позже [15, л. 31-32]. Более того, есть сведения, что сама императрица Екатерина II, будучи в г. Бахчисарае, завещала в пользу вакуфа прихода Хан Джами 583 р. 83 коп. серебром [16, л. 149 об.].

В целом же, характеризуя указ от 9 ноября 1794 г., необходимо отметить, что в этом документе было задано направление, в котором должен был осуществляться переход земли от собственников, нежелательных для российских властей, к легитимным, с их точки зрения, собственникам: «...кои по российским узаконениям имеют право владеть дворянским имением из природных тамошних жителей, или же из российских и других наций дворян и чиновников, и на таковые продаваемые ими имения совершать купчие и крепости...» [9, Т. 23, № 17265].

Эмигрирующие беи и мурзы-землевладельцы вынуждены были продавать собственные земли за бесценок. Но так как даже за невысокую стоимость быстро найти покупателя на свои угодья было затруднительно, то оставалась масса непроданных участков, которые пополняли фонд казенных земель, предназначенный к раздаче по усмотрению государства, хотя до запрета такие земли, скорее всего, были бы завещаны хозяевами в пользу вакуфов, находящихся в распоряжении мусульманского духовенства. Более других страдали в данной ситуации простые татары, имеющие участки на этих землях, так как владели они ими в силу мусульманской фикции «оживления мертвой природы», что, как правило, исключало какие-либо подтверждающие документы.

Новые хозяева – русские помещики – «в большинстве случаев не признавали подобной собственности» [17, с. 38] и апеллировали к российскому законодательству, где, естественно, никаких подтверждений правомерности нахождения татар на занимаемых участках не находилось. Местная власть не только не защищала коренных жителей от подобных юридических коллизий, но порой и злоупотребляла своими полномочиями, раздавая под видом порожних земли, «владельцы которых были налицо и вскоре предъявили на них свои действительные права» [18, с. 4].

Вообще крымскую администрацию никак нельзя было заподозрить в симпатии не только к старожильческому населению Крыма, но и к новопоселенцам. Действуя в тесной спайке, русские чиновники и местное лояльное к России бейство преследовали свои интересы. Следует напомнить, что указ 9 ноября 1794 г. был инициирован Таврической гражданской палатой. На отсутствие конструктивности в делах военных губернаторов М. В. Каховского и Н. М. Бердяева указывали и таврические дворяне христианского вероисповедания [19, с. 163-164]. Злоупотребления в раздаче пустопорожних земель на местах находили поддержку, а порой и исходили от главного устроителя Новороссийского края князя Г. А. Потемкина, что отмечали еще и современники. Так, участник созданной в 1802 г. «Комиссии для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове» П. И. Сумароков, хорошо осведомленный о положении дел в Крыму, пишет, что Г. А. Потемкин «учинил немалую погрешность неосмотрительною раздачею земель», раздавая «вместо небольших участков полезным поселянам» тысячи десятин «или боярам, оставившим их без внимания, или неизвестным пришельцам, не ведающим домостроительства и лишенным всяких средств» [20, с. 161]. И таким образом, как отмечает автор: «Уполномоченные чиновники, вопреки предписаниям, отводили не то, что следовало, а новые помещики получали ненадежные удостоверения на свои приобретения» [там же].

Результатом подобных действий стала усилившаяся эмиграция татар, нежелательная для России, поскольку отнимала «многих работников, хорошо знакомых с физическими условиями того края, где трудились целые поколения их предков» [3, с. 54], а также появление большого числа жалоб с их стороны.

Роль Г. А. Потемкина в неразберихе, которая творилась в землеустройстве Новороссийского края в целом, и Крымского полуострова в частности, огромна. Несомненна она и в лоббировании таких действий в Петербурге. Лишь только после его смерти в 1791 г. появляется указ императрицы «Об остановлении раздачи казенных земель в тех губерниях, в которых она для населения была дозволена» (23 июня 1794 г.) [9, Т. 23, № 17228], в том же году выходит вышеупомянутый указ от 9 ноября, закрепляющий наследственные владения за простыми татарами [9, Т. 23, № 17265]. Тогда же именованным указом утверждается в Таврической области магометанское духовное правление во главе с Муфтием

[9, Т. 23, № 17174] (реальное наполнение получивший много позднее, лишь в 1831 г.). Все это свидетельствует о появившемся желании государства урегулировать накопившиеся проблемы в крае. К этому времени количество жалоб на неправильный отвод земель для новых поселений приобрело массовый характер, участились случаи стихийного самоуправства местного населения, самозавхвата помещичьих владений и другие формы протеста. Реакцией на создавшееся положение стал Высочайший рескрипт от 17 сентября 1796 г. на имя генерал-губернатора кн. П. А. Зубова, в котором предписано: «что же касается до отдачи некоторым владельцам под видом оставшихся после выхода за границу татарских мурз и лежащих впусе земель, кои принадлежали татарским поселянам, о сем прикажите... учинить надлежащее рассмотрение и неправильно взятое настоящему хозяину возвратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение» [21, № 20276]. Действуя согласно направлению, заданному в рескрипте, Новороссийский гражданский губернатор генерал-поручик И. И. Хорват даже сочинил «Проект» о создании в Крыму особой Комиссии для расследования неправильной раздачи земель. «Проект» был утвержден П. А. Зубовым, однако, по неизвестным причинам, так и не обрел реальное наполнение [3, с. 64]. В свою очередь, такие действия правительства вызвали определенные опасения за судьбу своих наделов теперь уже со стороны помещиков. Е. И. Дружинина справедливо отмечает, что после смерти Г. А. Потемкина «у помещиков юга возникли сомнения относительно прочности земельных приобретений» [1, с. 194]. Владельцы просили у императрицы именным указом подтвердить их права на новоприобретенные земли [там же]. И это несмотря на действующий Манифест от 2 сентября 1793 г., который в пункте 10 закреплял розданные земли за новыми владельцами: «Порозжие земли для населения, размножения хлебопашества и разных хозяйственных заведений в губернии Екатеринославской и области Таврической генерал-губернатором, а прежде его и губернаторами розданные, утвердить за теми, кому они розданы и в чьем бесспорном владении находятся...» [9, Т. 23, № 17149]. По-видимому, дела с наделами действительно обстояли не совсем благополучно, если помещики просили для себя дополнительных гарантий.

Следовательно, уже к концу XVIII в. в землеустройстве Крыма возникла коллизия, решить которую в рамках существующего российского законодательства было невозможно. Необдуманная раздача земель привела к ситуации, когда были недовольны все: и местные жители, которые теряли традиционные права, и новые землевладельцы, которые не ощущали прочности своих приобретений.

Выше уже было отмечено, что в политике Екатерины II в отношении решения проблемы землеустройства юга после смерти Г. А. Потемкина наметились изменения. Однако, последовавшая смерть императрицы в 1796 г. не позволяет судить о характере этих изменений.

Можно лишь констатировать, что массовые пожалования и раздачи земель, осуществленные в царствование Екатерины II, логично привели к ситуации, когда стал ощущаться недостаток казенного земельного фонда. Об этом говорится в Высочайше утвержденном докладе Экспедиции Государственного хозяйства от 12 августа 1797 г. «О заведении и содержании в Тавриде овчарного завода и о выписывании испанских баранов и овец»: «Для летних пастбищ есть еще довольно казенных земель; но пастбища зимняя будут требовать некоторых издержек, по тому, что большая часть приморских долин состоит во владении частных людей...» [9, Т. 24, № 18092]. Подобные замечания находим мы и в Высочайше утвержденном докладе от 6 апреля 1800 г.: «...но как по осмотру всех оставшихся в Новороссийской губернии казенных пустопорозжих мест... земель удобных к поселению не отыскано, то нужно будет оные купить за счет казны...» [9, Т. 26, № 19372].

Таким образом, распределение земельных угодий в Крыму к концу XVIII в. было в основном завершено. Именно на данном этапе были заложены проблемы, решение которых затянулось на десятилетия. Начался долгий процесс юридического урегулирования землеустройства. В правовом поле российского законодательства не находилось критериев для полноценной фиксации местной юридической номенклатуры. Неучтенным оказался такой важный институт восточного права, как вакуф. И это несмотря на то, что духовно-вакуфных земель в Крыму к моменту его присоединения к России, по оценкам исследователей, насчитывалось не менее 300 тысяч десятин [4, с. 41], а к частно-вакуфным владениям предположительно относилось «большинство земель Крымского полуострова» [22, с. 15]. За большей частью этих земель местной администрацией был закреплен иной статус, что стало предметом бесконечных споров и жалоб на протяжении всего XIX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Дружинина Е. А. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.
2. Блюменфельд Г. Крымско-татарское землевладение (историко-юридический очерк). Одесса, 1888.
3. Лашков Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 24.
4. Воскресенский А. Татары и землеустроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического земства. 1907. № 7-8 (апрель).
5. Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – п. п. XIX вв.). Симферополь, 1984.
6. Козирев В. К. Південна Україна у внутрішній політиці Російської імперії та СРСР (XVIII – XX ст.). Запоріжжя, 2002.
7. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Под ред. Д. Ю. Арапова. М., 2001.

8. Короленко Б. А. Вхождение Крыму до Російської імперії: стабілізаційні заходи Російської адміністрації (1783 – сер. 1784 рр.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2004. № 51.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.
10. Дружинина Е. А. Южная Украина в 1820-1825 гг. М., 1970.
11. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 38.
12. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
13. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 178.
14. Александров И. Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России. Симферополь, 1914.
15. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 61.
16. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 147.
17. Лашков Ф. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887.
18. Исторический очерк русского законодательства по вопросам земельного права в Крыму. Б.м., б.г.
19. Дерий С. П. К вопросу о деятельности комиссии по разрешению земельных споров (1802-1810 гг.) // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
20. Досуги Крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. СПб, 1803. Ч. 1.
21. Узаконения, относящиеся до Новороссийского края и Крымского полуострова. Б.м., 1850.
22. Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь, 1892.
23. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769-1791). М., 1997.

Konkin D. V.

Legalization of Land Property in Crimea (1783-1796)

Summary

The peculiarities of Russian legislation concerning land law in the Crimea since the time of its annexation to Russia till the death of Catherine II are defined in this article. Decrees guaranteeing the rights of the local population are analyzed. The decrees that secured organization of the use of land in the Crimea are estimated. Decrees aimed to land allotment in the Crimea are examined. The role of local administration in allocation of plots of arable land was defined. Drawbacks in legislation base which produced the circumstances for abuse of allotment are revealed.